

Окна

Истории, сокрытые
от людских
взоров

Евгения Замулло | Татьяна Линчик | Даниил Раздольский
Юлия Сарана | Игорь Серёгин | Валерия Стрекаловская
Александра Строганова | Наталья Томм | Наталья Федоренко

Коллектив авторов

Окна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71208337

ISBN 978-5-0064-7079-8

Аннотация

Дебютный проект девяти писателей из России, Белоруссии, Израиля.

Жизненные истории, написанные в жанре иронической прозы, детектива, фэнтези, хоррора, драмы, мистики.

Их объединяет общая тема: что происходит за тем окном?

Какие секреты скрыты за задернутыми шторами? Рискнете заглянуть?

Содержание

Чиполлино	6
Даниил Раздольский	6
Стекольщик	14
Александра Строганова	14
Одежды-обуты	21
Татьяна Линчик	21
Настоящее чудо	34
Юлия Сарана	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Окна

Истории, сокрытые от людских взоров

Авторы: Серегин Игорь, Раздольский Даниил Исаевич, Строганова Александра Юрьевна, Линчик Татьяна Валерьевна, Сарана Юлия Владимировна, Замулло Евгения Александровна, Стрекаловская Валерия, Федоренко Наталья Владимировна, Томм Наталья

Редактор Елена Крутько

Дизайнер обложки Оксана Зарандия

© Игорь Серегин, 2024

© Даниил Исаевич Раздольский, 2024

© Александра Юрьевна Строганова, 2024

© Татьяна Валерьевна Линчик, 2024

© Юлия Владимировна Сарана, 2024

© Евгения Александровна Замулло, 2024

© Валерия Стрекаловская, 2024

© Наталья Владимировна Федоренко, 2024

© Наталья Томм, 2024

© Оксана Зарандия, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0064-7079-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чиполлино

Даниил Раздольский

Артем проснулся поздно, состояние было терпимым, только в висках слегка отдавало!

Нет, вчера он не выпивал, просто последнее время ко всему прибавилась еще и головная боль. Да и отчего ей не взяться, если с утра до вечера сидишь взаперти. Вошла мать:

– Ну что, проснулся, горе ты мое?! Ведь, почитай, до четырех вчера телевизор смотрел. Есть будешь?

– Не, мам, спасибо, позже!

Потихоньку добрался до ванны, долго лил воду на макушку, вроде полегчало.

– Сына, я тебе твою тельняшку постирала и заштопала!

– Ага, – буркнул Артем и, не поблагодарив мать, захлопнул дверь в комнату.

Женщина опустила руки и горестно покачала головой...

У Артема Лукова не было обеих ног. Тогда, пятнадцать лет назад, под Гератом он сидел на броне и слушал байки ефрейтора Васи Черноглаза. Тот до Афгана работал сталеваром на металлургическом заводе в Донецке и знал их великое множество. Рядом от смеха покатывался Берлик Мурзгельдин из Казахстана, и даже невозмутимый латыш Хель-

мут Лиепиньш не мог сдержать смеха. Вдруг боковым зрением Артем увидел вспышку и, не почувствовав ни страха, ни боли, провалился в темноту.

Следующее воспоминание – ему очень холодно, его несут на носилках в вертушку и перед глазами перемазанное лицо Черноглаза.

– Тема, Чиполлино! Ты будешь жить, будешь! Понял, братишка?!

Потом Ташкент, госпиталь, несколько операций на позвоночнике. Как назло, еще и желтухой заразился. Как выжил – непонятно. Перевезли в Москву, в Бурденко. Там еще пролежал почти два года.

Вернулся домой, в коммуналку на Сретенке.

В стране все изменилось, но Артем почти не чувствовал этого. Сначала пытался общаться со старыми школьными приятелями, звонил им, звал в гости. Но потом все друзья пережились, разъехались и пропали из виду.

Да и гулять в сквере напротив Артем перестал, хотя это его развлекало. Уж очень много было хлопот с коляской. Пандуса на лестнице не было, и все время надо было кого-нибудь просить. Приходилось подолгу ждать, сидя в коляске, пока кто-то не сжалится над ним. Это было очень унижительно...

Так и осел Луков дома. Сидел у открытого окошка, курил и весь день смотрел на бульвар. С утра по нему шли и бежали озабоченные прохожие, торопясь на работу. Собачни-

ки выгуливали своих питомцев. Потом появлялись мамашки с колясками. Артем смотрел на возящихся в песочнице малышей и тихонько вздыхал. О своих детках Луков даже не мечтал...

Вечером, после того как люди возвращались домой с работы, начиналось самое интересное. Напротив его окон, через сквер, построили новый красивый дом, и, когда в окнах загорался свет, Луков любил наблюдать за жильцами многоэтажки. С детства от природы он был мальчишкой внимательным. А, прослужив полтора года в разведроте в Афгане, Артем очень развил это качество. Всех жильцов дома напротив он знал наперечет, сколько детей, когда кто выходит на работу и много других подробностей. Они бы очень сильно удивились, да и испугались наверняка, если бы узнали об этом. Однако переживали бы они зря, Луков никому зла не желал. Да и имен он их не знал...

Каждый год второго августа, на день десантника, к нему утром приходил его бывший командир отделения Максим Зайцев. Он служил где-то в органах и был уже подполковником. Он приносил с собой бутылку водки, закуску, они немного выпивали, вспоминали погибших друзей, и Максим уезжал в парк Горького, где собирались все ребята, отслужившие «у дяди Васи».

В первое время и Лукова брали с собой, затаскивали его вместе со всеми в фонтан, поили, таскали на руках, но потом Артему ездить туда расхотелось.

Лет пять-шесть назад Луков попросил у Макса бинокль.

– Зачем тебе бинокль, Чиполлино?

– Из окна глядеть.

– Ну-ну, – покачал головой Зайцев, но через неделю в дверь кто-то позвонил, и мать пошла открывать. Вернулась назад с цейсовской подзорной трубой и сказала:

– На вот, тебе передали! Ты только аккуратнo, а то что люди-то подумают, стыд ведь!

– Мать, ты не понимаешь ничего, что я плохого-то делаю?! Ладно, иди!

Особенно любил Луков наблюдать за одним окном на пятом этаже! Там жила Рита. Как ее зовут, он узнал не так давно, когда пьяный поклонник, стоя у ее окна, кричал, вызывая ее:

– Рита, прости! Прости, Рита!

Она выросла прямо у Лукова на глазах! Сначала была голенастым, неоформившимся подростком, потом налилась, созрела, как бутон, и стала замечательной красоты девушкой! У Артема было очень нежное и трепетное к ней отношение. Луков просто любовался Ритой, как далекой звездой.

Смотрел, как она легко идет по улице, одевается на работу, выходит из душа, ложится спать. Он забирался вглубь комнаты, чтобы не быть замеченным, и оттуда наблюдал за девушкой. Ему казалось, что она давно рассекретила его и просто делала вид, что ничего не замечает. Он прямо-таки ловил ее хитрый зовущий взгляд. Или ему это только каза-

лось?

Однако в последнее время внимание Лукова было сосредоточено не на Рите. С некоторых пор он стал замечать в сквере довольно необычных людей, которые к тому же и вели себя престранно. Во-первых, они были иностранцами. Луков понял это не сразу, но потом все же убедился, что это так.

Манера держаться, высоко поднятая голова, иногда платочек в переднем кармане пиджака, открытый взгляд и многое другое отличало их от вечно озабоченных жителей столицы. Когда однажды мать везла Артема в поликлинику, они неожиданно встретили черную иномарку с дипломатическим номером, и сомнения отпали. Ведь оттуда вылез один из посетителей сквера. Как охотничья собака, учуяв след зайца, так и разбираемый интересом Артем стал наблюдать за таинственными гостями с удвоенным вниманием. Он обнаруживал все больше странностей в их поведении.

Во-вторых, они никогда ни с кем не общались, просто прогуливались в одном и том же углу сквера. Всегда держали в ладони какое-то устройство и почти не отрывали от него глаз. В парке они не бывали подолгу, в среднем этак минут по пятнадцать.

Пижон – так прозвал Луков одного из странных людей, прогуливающихся в парке, – появился в 15:40. Был он в блестящих туфлях, белой рубашке с длинными рукавами и модном жилете. Он покрутился минут пять, потом достал

из кармана что-то похожее на телефон и, держа его в руке, стал прохаживаться в дальнем углу парка.

Артем все это время неотрывно смотрел на него в трубу, а когда мужчина с невозмутимым видом покинул сквер, положил цейсовское изделие на подоконник и сказал:

– Странно это все, очень странно.

* * *

Через две недели подполковник ФСБ Максим Зайцев сидел на заднем сиденье служебного автомобиля и почему-то зря костерил свое начальство. Только что он наслушался от генерал-полковника Стрекаловского таких гадостей, что внутри все кипело. Зазвонил телефон, это был его старый однополчанин Темка Луков, которого погибший за неделю до дембеля веселый украинец Черноглаз остроумно прозвал Чиполлино!

– Привет, Тем, сейчас не могу! Нет, я знаю, что так просто звонить не будешь. Заеду-заеду.

Зайцев досадливо поморщился и сказал сотруднику, сидящему за рулем:

– Маршрут меняется, заскочим на пять минут на Сретенку.

Луков эмоционально рассказал все, что видел, своему бывшему командиру. В конце, подняв палец вверх, он сказал:

– Понимаешь, Макс! В последнюю неделю я заметил, что в то место не только иностранцы подходят, но и наши тоже!

– А как ты это понял?

– Обижаешь, командир, обижаешь! Что ж, я нашего от немца не отличу?! Ты же в конторе работаешь, может, скажи, кому надо!

* * *

Через месяц к подъезду дома, где жили Луков с матерью, подъехала бетономешалка, и несколько рабочих за час смастерили пандус! А еще через день Артем получил автомобиль с ручным управлением!

Говорят, что генерал Стрекаловский распорядился!

А спустя еще какое-то время в новостях на первом канале передали:

Заявление ФСБ России.

В Москве пресечена деятельность шпионской организации. В одном из столичных парков было обнаружено приемно-передающее устройство, замаскированное под простой камень. Оно было начинено сложнейшей электроникой и использовалось для передачи информации от завербованных разведкой Великобритании агентов. Причастные к шпионской деятельности сотрудники посольства Великобритании высланы за пределы Российской Федерации!

Завербованные агенты арестованы и дают показания.

Стекольщик

Александра Строганова

– А, чтоб тебя! – с досадой, но без злобы проворчала Светка. Разбитое окно сверкало на солнце паутиной трещин. Не так страшно все было. Осколки не осыпались, держались крепко. Кто-то с такими окнами годами живет...

Разруху устроила она. Драматично хлопнула створкой сильнее, чем стоило, и вот... Просто аргументы закончились. Если бы это вышло случайно, он и слова бы не сказал! Вмиг разобрался бы с проблемой, еще и уговаривал бы, мол, не расстраивайся из-за ерунды! Но теперь пустяковая ссора превратилась в большое противостояние.

Она не знала, чего хочет больше, помириться или отстоять свою правоту. Уступать Светка не любила. Как бы так поаккуратней «макнуть» мужа, чтобы обойтись без грозы в раю.

Мгновение, и в ее глазах вспыхнула шальная искорка. В голову пришла идея, последствия которой не хотелось просчитывать, пальцы уже набирали сообщение. На экране в верхней строке имя контакта – «Стекольщик». Светка хмыкнула почти презрительно. Дерзко потрянула челкой и нажала «отправить».

– Здравствуйте. Прошу принять заявку на замену стекла.

– Здравствуйте. Принято.

– И все? Просьба, ответить в этом чате, когда планируете приступить к работе.

– Надо сначала снять размеры.

– Это можно сделать в мое отсутствие?

– Без вас нельзя. Необходимо согласовать на месте весь объем работ, чтобы потом не было претензий.

– Хорошо. Тогда сегодня после четырех.

– На сегодня заявки не принимаются. У меня другие заказы.

– Хорошо. Скажите сами, когда вам будет удобно на этой неделе.

– На этой неделе ни одного «окна». Много работы.

– Противоречивый ответ, учитывая, что вы стекольщик.

– А по-моему, все очень логично.

– Нет, нелогично! Много работы, а ни одного «окна» нет.

– Вам поболтать не с кем? Давайте к делу, мне некогда.

– После работы можете?

– Проблематично. После работы сразу домой. К жене.

– Вы решили сообщить, что женаты. Прекрасно! Давайте я с ней договарюсь.

– Дохлый номер! Мы только вчера из-за этого поругались.

– Знакомо! А если я доплачу?

– Другой разговор! Давайте в пятницу вечером.

– В пятницу не могу – иду на день рождения.

– Одна?

– В смысле! Почему вы спрашиваете?

– Кроме вас, кто-то может это решить? Муж?

– Не смешите меня!

– Ну, надумаете – дайте знать!

– Подождите! Ладно! Давайте, тогда сами. Учтите, сосед-

ка проконтролирует.

– Ну, слава Богу!

– Адрес помните?

– Бывал. Найду. Там понятно, какое окно?

– Очень смешно! Разбитое!

– Видите! Все-таки рассмешил))

Пятница была не за горами. Обе стороны упрямо держали оборону. Сталкиваясь в квартире, супруги расходились, как два самца в ожидании самки: присматриваясь к сопернику, но не атакуя. Ни злости, ни обиды, только азарт – дело пошло на принцип.

Поход в гости она придумала, чтобы позлить мужа. Много бы отдала за то, чтобы понаблюдать, как все пройдет с окном, но разумнее было удалиться. Да и пообещала уже.

Муж вот-вот должен был вернуться с работы. Следовало поторопиться. В такси набрала сообщение мастеру. На всякий случай.

– Напоминаю о наших прежних договоренностях. Соседку предупредила.

Прочитал, но не ответил... Тоже еще – что за манера!

Вечер пропал. Ола-Кола невыносимы! Оля и Коля – се-

мейная пара, не способная говорить ни о чем, кроме как о своих детях. Это Лешка придумал называть их как газировку. Стоит немножко встряхнуть – фонтан пены не остановить! А ее называет «восьмое чудо Света». Так и есть – она с чудинкой.

Когда Светка вернулась, муж спал на диване в гостиной. Возбужденное ожидание развязки конфликта и трехчасовое выслушивание нудных разговоров измотали ее. Время было позднее, но она все же написала:

– Удалось снять размеры?

– К сожалению, нет. Соседка ваша пригласила выпить чаю. Так весь вечер и проболтали.

– Зачем вы мне это сообщаете? Меня не интересуют ваши шашни!

– Просто она сказала, что муж у вас «рукастый», такие проблемы решает на раз-два. А еще, что вы меня вызвали, чтобы его проучить.

– Я не собираюсь с вами это обсуждать! Размеры сниму сама и пришлю завтра. Это ускорит замену стекла?

– Не уверен, что вы справитесь. Там есть свои тонкости.

– Не волнуйтесь! Мой «рукастый» муж меня чему-то да научил.

– Вы заказчик – вы решаете!

По пути в спальню Светка на секунду задержалась возле спящего Лешки. Испытующе посмотрела. Он впервые так упрявился. И сейчас в счете, конечно, не вел, но и не тратил

силы, как Светка, а значит, был в более выигрышном положении. Она уже жалела, что ввязалась в эту переписку, но отступать было несерьезно. Поправила свесившуюся руку мужа, еле сдержалась, чтобы не поцеловать. Шумно вздохнула и пошла в кровать. Быстро уснуть, наверное, не получится.

С утра пораньше звонок от соседки. Муж вытянул шею, чтобы увидеть, кто звонит. Значит, не все равно ему – удовлетворенно отметила Светка. Говорить с соседкой, тем более при Лешке, тем более после вчерашнего, она не собиралась. Разберется с ней позже, а пока сделала вид, что не хотела брать телефон мокрыми руками. Как раз мыла чашку.

Ну как мыла, сполоснула под краном. Что там! Два глотка кофе – на остальное уже нет времени. Муж крутился тут же на кухне, соображая себе завтрак. Сюрприза в меню не случилось. Одно блюдо три раза в день. Судя по недельному запасу китайской лапши в кухонном шкафу, Лешка собирался держаться в осаде долго.

Обернулась в дверях – жалкое зрелище! Муж, заметив, что она смотрит, с двух рук обильно поливал содержимое тарелки кетчупом и майонезом. Балбес!

Отправила замеры по пути в салон. Здесь чуть не вышел прокол. Не смогла найти рулетку, а спрашивать у Лешки, ясное дело, ей не улыбалось. Зато нашла все, что надо, в прошлой переписке и была очень собой довольна. Она думала всю ночь и решила действовать по старинке, проверенным женским способом.

В салоне ее дважды обожгли щипцами из-за того, что она не выпускала телефон из рук, набирая сообщения. Стекольщик, кажется, собрался слиться.

– Во сколько вас сегодня ждать?

– Даже не знаю. Меня загрузили другой работой.

– Работой? В субботу?

– Все претензии к моему руководству.

– Это ваши трудности. Вы обещали все сделать в нерабочее время.

– У меня жена так же говорит.

– Цените! По всему видно – умная женщина!

Переписка давно вышла за рамки делового стиля, но Светку его вежливое хамство даже забавляло. В конце концов все это по-своему работало на ее главную цель.

Вернувшись домой с новой стрижкой и пакетами из продуктового, она с удовольствием обнаружила, что муж дома. Закрылся в комнате. Это и лучше! Она занялась ужином. Настоящим, с десертом! Запах жареного мяса и специй потянулся в комнаты. Она кружила по кухне, забыв о телефоне. Вдруг сообщение.

– Освободился на вечер. Еще актуально?

– Не знаю. Мы не договорились о цене.

– Ужином покормите?

– Это неудобно. Я ведь замужем!

– Издеваешься?! А удобно, что у тебя муж, как «Стекольщик» записан? Два года женаты!

– Записала, как представился! Так что там с окном?

– Светляк, прекращай свои ролевые игры! Поменял я тебе стекло. Дай пожрать!

Лешка вышел из комнаты, злобно улыбаясь. Отбросил телефон, в шутку схватил ее за горло и чмокнул в нос. Светка ловко выскользнула, взглянула на него со значением и повела плечом.

– Давно бы так! – в этот момент она была похожа на довольную кошку.

ОДЕТЫ-ОБУТЫ

Татьяна Линчик

Если бы можно было заглянуть в окно второго этажа, то мы бы увидели немощную, изнеможенную женщину с потухшим взглядом. Она лежала на кровати и, прикрыв глаза, вспоминала свою жизнь. Страшно болела спина, хотелось перевернуться хотя бы набок, но сил на такое, казалось бы, простое движение не было. Твердым камнем давило под лопатку собравшееся складкой мягкое одеяло, но и этот комок невозможно было расправить, приходилось лежать и всеми силами стараться не замечать эту боль и дискомфорт. Ей очень хотелось разгадать, что же в жизни она сделала не так, а физические страдания отвлекали от глубоких мыслей и воспоминаний.

Лариса никогда не была божьим одуванчиком. Причем ни в детстве, ни в среднем, ни в зрелом возрасте.

В раннем детстве она открыто тянулась к маме, ей не хватало ласки и доброго слова. Но мать имела свои взгляды на воспитание и считала, что главное – одета, обута, накормлена, в чистой одежде и прибранной комнате.

Комната, к слову, была одна. В ней умещались всем семейством – отец, мать и дочь.

Лара быстро поняла, что, если тебе не достается то, чего остро не хватает, надо сделать вид, будто оно тебе и не требуется. Стать более жесткой, колючей, стараться изо всех сил и преуспевать в жизни, чтобы не просить, а снисходительно принимать похвалу, лесть и внимание.

Ей это ловко удавалось. Она много читала, всегда готовила домашние задания и снисходительно могла позволить списать у себя двоичнику, который будет достаточно красочно говорить ей комплименты. Она имела свое профессиональное мнение на любой вопрос, даже если по этому вопросу прочла не более одной книги, при этом уже считала себя экспертом.

Лежа все в той же кровати, поддавшись настойчивому желанию сомкнуть тяжелые веки и забылась сном. Почему-то снилось, как она с мужем и сыном переехала в Прибалтику. Как отвела трехлетнего сына в детский сад, а в конце дня, проведенного среди детей, говорящих на другом языке, он вдруг выдал «уз радзешанос» светловолосой воспитательнице перед уходом домой. Какая она была гордая! Умного сына воспитала, весь в мать.

Потом пришла картинка, как снова напился муж и крушит посуду на кухонном столе. А что? Так у всех, зато она за границу приехала. Это же благодаря его работе. Но ненависть к этому краснолицему человеку даже сквозь сон закипела в ней. Ненависть и больше никаких чувств.

Свадьба. Он – завидный жених, она – в белом платье, род-

ня, гости. И она хвалится нарядом, блюдами на столе – всем на зависть. И гордится тем, что Володька достался ей, а не кучерявой дурочке, которая за ним бегала. Уж кто, как не Лариса, сумеет распорядиться Володиными мозгами. И распорядилась, что теперь живет лучше других. Рассчитала все точно, как и куда он дальше двигаться будет.

А вот этот кусочек памяти вдруг всплыл, как осколок стекла в осенней луже, заглянула внутрь. Там четырехлетний сын плачет надрывно: «Мама, мама, мне больно». Упал, растянулся на асфальте, голые ножки в коротких шортиках, кожаные сандалики, зацепился подошвой о какую-то неровность дороги. Всем телом проехался по прибитой дождем пыли, подбородок ободрал. Так бежал к маме, радовался встрече, мечтал увидеть весь день, он обнять ее хотел.

Тут же слышит свой металлический голос: «Витя, встань! Ты весь грязный будешь. И не реви! Хватит, пожалуйста. Не перестанешь – я одна домой уйду».

С этими словами она очнулась в настоящем времени, все та же кровать, булжник из скомканного одеяла и очень хочется пить. Хоть бы кто зашел, подвинул кружку с трубочкой к ней ближе. Ведь всего в каких-то двадцати сантиметрах от нее на тумбочке стоит.

И от этого бессилия громко выдохнула и получился то ли стон, то ли визг. Вошла сиделка.

– Лариса Аркадьевна, вам нужно чего-то?

Пациентка, а в прошлом уважаемая дама, с укоризной по-

смотрела на женщину, затем перевела взгляд на кружку воды.

– А, поняла, вы пить хотите. Сейчас-сейчас. Я приподниму вас немного, чтоб не подавились. Вот, тяните из трубочки. Так безопасней. Во-от, так оно лучше будет. Я вас так пока оставлю, полусидя, обзор другой будет, может, вам так больше понравится.

Лариса совершенно безвольно согласилась на такое положение тела в пространстве, кстати, булжничок одеяльный даже перестал мучить. Так оно действительно как-то получше.

Но она с мыслями до сих пор осталась в тех воспоминаниях из сна. Вдруг она услышала, как в коридоре сиделка Соня говорит по телефону:

– Мама в сознании, иногда говорит, но очень слабая, конечно. Приехать хотели бы? Да, это можно, конечно, можно сколько угодно дней оставаться. Ага, Дмитрий, вы завтра приедете? В любое время можно.

Сын, младший. Лара прикрыла глаза и увидела себя. Молодую, в светлом платье по модному фасону, с серой кожаной сумочкой фермуар, в лодочках в цвет сумки, в холодном кабинете с плиткой на стенах и смотровым креслом.

– Мне кажется, я беременна. Стала плохо себя чувствовать, можете посмотреть? И сразу оговорюсь, мне не нужен ребенок. У меня уже есть один. Хватит. От этого-то сил совсем никаких. Уже в круглосуточный садик устроила его, не ребенок, а наказание.

Крупная женщина в белом халате и колпаке посмотрела уставшим взглядом и сказала на выдохе:

– А к своему участковому вы пойти не могли? Она только вчера в отпуск ушла. Через месяц вернется. Я могу только осмотр провести, а аборт делать не стану, зачем мне статистику свою портить?

– Нет, сделаете! Я своего добьюсь! Где у вас тут заведующий?

Лариса Аркадьевна моргнула в реальном мире и продолжила просмотр. Стоит она уже на ступенях роддома с белым кулем в руках, куль перемотан голубой лентой. Нельзя не заметить совершенно недовольный вид ее лица: уголки губ опущены, крылья носа раздуты, взгляд злой. Еще этого только не хватало. Муж все пьет, Витька уже скоро в школу пойдет, умный, но до чего же активный, достает ее своими вопросами по выходным, хоть беги от него, а теперь еще один, что за невезение.

Дальше видит, как лежит маленький Димка, гулит на пеленальном столике, в глаза ей заглядывает своими голубыми глазищами, будто спрашивает: «Мам, это ничего, что я родился? Я тихим буду, покладистым, постараюсь не утруждать тебя, ночью буду спать, просить ничего не стану. Понимаю, что виноват перед тобой своим появлением». А вот Димка из школы приходит, чайник поставил, форму снял, брюки по стрелочке сложил, на стул повесил, сел за уроки. Чайник засвистел, сын пошел бутерброды нарезал: «Мама,

ты будешь чай пить»?

– Не буду я, Дима, сейчас платье прострочу и обратно на работу ухожу. Лучше бы что-то нормальное приготовил. На ужин есть нечего.

Тут Лариса Аркадьевна, та, что наяву, открыла глаза и подняла их к потолку. Взглянула на люстру, на ее металлические изгибы, на «сережки» из чешского стекла, на то, как солнечные зайчики преломляются сквозь кристаллы и светят всеми цветами радуги. Выдохнула. Не хочется верить очевидному. Димка завтра приедет.

Тут она вдруг вспомнила, как радовалась, что наконец-то ушла от мужа, который за годы брака скатился до пьяницы, развелась, а уже взрослые сыновья не были в тягость. Жили отдельно, на работу устроились, хлопот никаких. Она только советы им давала, кому какой университет лучше оканчивать. Старший – умный, поступил, окончил, всегда все знал лучше других. На работе его за это недолюбливали.

– Витя, ну куда ты лезешь? Даже если у тебя есть свое мнение и тебе кажется, что ты что-то знаешь, сначала спроси, хочет ли кто-то его узнать. Непрошенный совет хуже оскорбления.

Младший поступил в университет, начал учиться, но не вписался в компанию, потом загорелся изучением китайского языка, год ездил на уроки в посольство, университет бросил, за квартиру платил случайными заработками, одежду не менял месяцами. А спустя несколько лет был при-

нят в российско-китайскую корпорацию по разработке инновационных IT-технологий. Компания арендует ему жилье, автомобиль и предоставляет завидный соцпакет и солидные ежемесячные выплаты.

А она в то время устраивала свою жизнь. Окончила бухгалтерские курсы и пришла работать в строительную компанию. Встретила интересного мужчину, вышла второй раз замуж.

Занялась обустройством нового дома. Однажды на каком-то мероприятии была молодая родственница нового супруга, с грудным ребенком, девочкой не старше года.

– К рукам не приучайте, потом не слезет, – со знающим видом продекларировала свой совет Лара по привычке, даже когда не спрашивали.

– Вы знаете, она у нас такая чувствительная, хочет быть всегда с мамой, посторонних боится, ночью даже с нами спит, иначе не уложить.

– Да это вы приучили уже, я своих положила в кроватку и пошла по делам. Спали, как миленькие, старший, правда, проорется хорошенько, а потом спит тихо так и долго главное. А младший сразу понял, что из меня веревки вить не получится, с роддома отдельно спал, я и на смесь его перевела с трех месяцев и каши начала давать сразу, прикорм ввела, а сейчас все что-то мудрят, придумывают, кормят до двух, а то и больше, на руках носят постоянно... – деловым тоном поучала опытная мать.

Стройная молодая мама села на край дивана, посадила дочь на колени и открыла перед ней маленькую картонную книжку с нарисованными парами животных «Про мам и детей».

– Это корова, а это теленок, мама – собака, а ее малыш – щенок...

Почему это все всплывало в воспоминаниях? Ларе вдруг захотелось провалиться в сон без сновидений, она так устала вспоминать кусочки жизни, которой всегда была вполне довольна. Жила ведь лучше других, многое могла себе позволить. И позволяла. Отдых за границей, в санаторий одна ездила, шила себе самые модные платья, много читала, ходила в театр, питалась качественно и полезно, еще не старушка, только-только на пенсию вышла, почему вдруг болезнь ее так подкосила?

Вошла сиделка.

– Лариса Аркадьевна, пора перевернуться и принять гигиенические процедуры. Ну, не хмурьтесь. Это обязательно, вы даже лучше себя почувствуете, – заверила она.

Лару слегка передернуло, она будто снова вернулась в реальность, где является не собой, а малодвижимой страдальцей. Где без посторонней помощи ей даже не перевернуться в кровати. Где от малейшего изменения натяжения простыней и складок под тяжестью тела появляются болезненные раны на коже.

Соня, профессиональная сиделка, оплаченная сыном,

приходила в дом, где Лариса жила со вторым мужем. Когда он еще мог – справлялся сам, возил по врачам, поддерживал, когда она спускалась по лестнице. А сейчас, когда Лара весь день только лежит, потребовалась помощь, Дима предложил оплатить все расходы. В этом доме все было сделано так, как нравилось Ларисе.

Просторно, светло, высокие потолки, камин, винный погреб. Что плохого в том, что человек хочет жить красиво и достойно?

Соня обычно протирала Ларису Аркадьевну, что-нибудь рассказывала и спрашивала, но последнее время та перестала отвечать, то ли потому, что устала, то ли потому, что надоело разговаривать с недостойным ее внимания человеком.

В этот раз сиделка поняла, что ответов от подопечной не дождется, и начала рассказывать, как ездила с внучкой на выставку картин, как девочка пяти лет восхищалась Айвазовским. Надо же, маленькая такая, а уже в живописи разбирается, а может, это душа к прекрасному тянется. Когда Лариса слышала про выставку, ей вспомнились посещения картинных галерей и музеев. Когда-то это все было в ее жизни. А с внучкой своей, дочерью старшего сына, она и не думала туда ходить. Все равно та ничего бы не поняла, а потом наверняка требовала бы фастфуда. Лучше в таких местах бывать с подругами. Сходили на променады, а потом в кафе посидели, интеллигентно и изысканно.

Во время процедуры Соня умело поворачивала тело Ла-

рисы, которое сейчас казалось ей таким тяжелым, хотя крупной она никогда не была, сиделка обмывала кожу специальным пенным средством из баллона. В комнате даже как-то посвежело. Тут Лара вспомнила, как однажды заболели дети, как старший кричал от головной боли, у него всегда сильно болела голова при высокой температуре, а младший лежал тихонько в кроватке весь в испарине и только сбросил с себя одеяло, чтобы охладиться. И тогда она вычитала в одной книге, что при высокой температуре детей нужно искупать в теплой воде в душе или в ванной, но не перегревать. Решила попробовать. Одного поставила в ванну, второго держала на левой руке, поливала комфортной водой из душа, лила сверху, чтобы голова тоже намочилась и остыла. И действительно, Витя перестал кричать и держаться за голову, Дима молчаливо вытерпел процедуру. Она достала полотенце, протянула старшему, младшего завернула в полотенце-уголок и вышла в комнату. Витя набросил на себя махровое полотенце, вышел вслед за мамой, сел на кровать и сказал: «Мама, я тебя люблю». Никогда она не слышала такого от сына, да и сама не говорила подобных слов. Главное, чтобы одеты-обуты, накормлены и образованы. Какая там любовь, бессмыслица это полнейшая.

Ларису эти слова удивили, но отвечать она ничего не стала. Промолчала. А затем сухо произнесла: «Надевай пижаму. Спать пора, завтра в садик пойдешь».

С каждым днем Лариса Аркадьевна слабела, болезнь да-

вала о себе знать. Врач при выписке из больницы максимально осторожно сказал супругу, что ей осталось совсем недолго. Удалять метастазы уже бессмысленно, они завладели всеми органами, а жизненно важные элементы физиологического процесса нельзя ликвидировать. Поэтому нужно обеспечить хороший уход, покой и надеяться, что пациентка уйдет без мучений. Муж, высокий, статный мужчина, с седой на висках и добрыми глазами, стоял в недоумении. Он не был готов к таким словам. Ему казалось, выписка из больницы бывает, только когда пациент выздоровел. Лариса последнее время болела, он возил ее по врачам, на исследования, которые были в разных местах города и области, но чтоб вот так быстро? Никогда не мог подумать. Она ведь и моложе его. Как он будет без нее дальше? Да, они частенько спорили, но дополняли друг друга. Она изысканная дама в элегантных нарядах, а он отставной офицер, но в душе хулиган. Он поддерживал ее задумки и поощрял увлечения. Ему нравилось, что она так много знает, но тоже не любил непрошенных советов. А она жила с ним, как за каменной стеной. Дом, хозяйство, плетеная мебель в гостиной и камин – идеальное место и компания, чтобы встретить старость.

А сейчас что? Неужели это конец? И почему бесконечно приходят странные воспоминания о детях? Где воспоминания о ее зарубежных поездках? Где слайды с мероприятий и банкетов, на которых она блистала? А почему бы не вспомнить роскошные наряды, висящие в шкафу, ведь они лучше,

чем у других, она точно знала! Нет, только Витя и Дима, соп-ли, болезни, садик и школа, а потом тишина.

– Лариса Аркадьевна, Лариса Аркадьевна! – слышны сло-ва Сони будто сквозь толщу воды. – Лариса Аркадьевна! – как настойчиво, настырно, так не хочется отвечать...

– Лариса Аркадьевна!

– Лара! – это голос мужа.

Чего они хотят?

– Что? – открыла впалые глаза Лариса, и смутные размы-тые образы покачались, как на воде, а потом собрались в бо-лее читаемые облики.

– Жива, – промолвила Соня, – я ее обтирала, она со мной не разговаривала, а все смотрела на люстру сначала, а потом на картину на стене, ту, где море. А потом смотрю, глаза у нее как-то закатываться стали, а потом закрылись. Я вас позвала, думала, может, уже пора проститься. По-разному бывает.

– Лара, это я пришел. Димка звонил, завтра придет. А Витя пока в отъезде. Тебе, может, телевизор включить или музыку?

– Ммм, нее, – удалось сказать Ларисе.

– Хочешь отдохнуть?

– Да, – едва слышно ответила Лара.

Спустя час Соня заглянула к своей подопечной, Лариса лежала в кровати с открытыми глазами, голова была повер-нута в сторону картины, при звуке двери она шевельнула го-ловой и посмотрела на входящую Соню.

– Лариса Аркадьевна, я зашла спросить, может быть, вам чего-то хочется? Водички или бульончика куриного, вы давно не ели. Не знаю, может быть, вам подушку поправить?

– Мне жить хочется, – тихо и медленно произнесла Лариса.

На следующий день приехал Димка, поздоровался с маминим супругом, оставил рюкзак в прихожей, положил телефон в карман, вымыл руки и поднялся по тяжелой лестнице с коваными балясинами на второй этаж.

Он вошел в комнату, где лежала мама, в нос ударил запах тяжело больного тела, его редко можно почувствовать в обычной жизни, но его знают наверняка все те, кто сталкивался с неизлечимыми пациентами.

– Мама, это я, Дима.

Лариса открыла глаза, увидела тот самый белый сверток, перевязанный голубой лентой, потом вспышка, и вот перед ней стоит взрослый мужчина.

– Мама, я приехал.

– Дима, ты приехал, я так тебе рада. Дима, я тебя люблю. Открой окно и принеси чаю, пожалуйста.

Настоящее чудо

Юлия Сарана

Патимат была активным и подвижным ребенком. Все родственники ее просто обожали. Бабушки и дедушки дарили подарки, многочисленные дяди и тети всячески баловали ее. Еще бы – ведь она самый младший ребенок. Темные кудряшки вились вокруг милого личика, превращая ее в настоящего ангелочка.

Мама вечерами читала ей сказки и перед сном пела нежным голосом колыбельную. Патя тоже очень любила своих родителей. Особенно папу. Просто она реже его видела, а мама всегда была рядом. Папа обычно, с утра поцеловав ее в нос, называл своей принцессой и уходил на работу. Но зато, когда он вечером возвращался, часто приносил ей что-нибудь интересное или вкусное. Мама обещала, когда Пате исполнится три года, ей разрешат ходить в садик. Она знала, что там много других ребят, и была уверена, что ей там понравится. Девочка очень хотела поскорее стать взрослой и самостоятельной, чтобы самой решать, какое платье надевать сегодня или что есть по утрам. Вместо каши, например, она бы ела конфеты. И еще красила бы губы красной помадой, как мама. Пока что бабушка разрешала пользовать-

ся только бесцветной. А покрашенные ногти вообще были под запретом.

На долгожданный день рождения Пате подарили огромного белоснежного медведя, замечательный кукольный домик, несколько волшебных косметических наборов и даже машину. Большую, розовую, с открытым верхом. Она могла ездить в ней, как настоящий водитель. Сама крутила руль и нажимала педали, ну совсем как папа.

Патя с родителями жила в светлой трехкомнатной квартире, в большом многоэтажном доме. Пока что Патя не умела считать. Дом был очень высокий. Они жили на самом верхнем этаже. Из окон их квартиры были видны высокие заснеженные горы и синее небо. Еще хорошо было рассматривать улицы. Больше всего Пате нравилось смотреть на огоньки вечернего города, когда папа крепко держал ее на руках и рассказывал, что и где находится.

– Вон там, смотри, парк. Помнишь, мы ходили гулять туда?

Еще бы. Конечно, она помнила. Они с папой катались на качелях и прыгали на батуте. Точнее, Патя прыгала, а папа смотрел, улыбался и подбадривал ее. Это был ее день рождения! Потом с другими детьми она скатывалась с горок, падая в разноцветные мягкие шары. Всем было в тот день очень весело.

За последнее время мама много кушала и сильно поправилась. Но Патя любила маму любой. А потом двоюродная

сестра Аська по большому секрету сообщила, что у мамы в животике живет малыш и что у Пати скоро появится братик. Эта новость сильно взволновала и обрадовала девочку. Она представляла, как они будут играть вместе, рисовать и строить домик из конструктора. Еще она собиралась наряжать его в платья, как своих куколок, и завязывать ему яркие банты. Мама уехала на несколько дней за братиком. Пятя сильно волновалась и с нетерпением ждала ее возвращения. Мамочка обещала, что вернется уже не одна.

Каково же было разочарование девочки, когда вместо братика принесли кричащий сверток. Патю переселили в отдельную комнату, а в ее любимую кроватку положили Рустама, так называли ее брата. Праздник имянаречения был семейным – тихим и скромным. Папа сказал, что акыку* совершают на седьмой день после рождения ребенка, а мама добавила, что младенца нельзя показывать, пока он чуть-чуть не подрастет. Играть с ним не разрешали, на руки брать тоже. К тому же он был некрасивый. Лысый, красный и весь сморщенный. Еще постоянно плакал и мешал всем спать. Мама по утрам была невыспавшаяся, папа раздраженный. Вот и зачем он нужен был? К тому же все внимание теперь было обращено только на него. Как будто бы Пати нет. Девочка говорила маме, что этот братик ей совсем не нравится, что лучше бы ей привезли сестренку, такого же возраста, как она сама. Но мама только улыбалась и говорила: «Вот увидишь, Рустамчик подрастет и будет играть с тобой». «Когда

это еще будет? – думала Патя. – Брат что-то совсем не спешит расти».

Вот уже и осень наступила. Листья сначала пожелтели, а потом стали осыпаться на землю. Мама не водила Патю на прогулки из-за сырости и дождя, говорила, что ей сложно сразу с двумя детьми выходить. Девочка злилась, что папа, придя с работы, сначала целовал ее, как всегда, а потом шел к кроватке с братом и улыбался ему. Носил его на руках, пока мама накрывала на стол, говорил, что растет настоящий богатырь, что вот теперь-то у него есть наследник. Патя не знала, что это значит, но ей казалось, что ее больше не любят. Что теперь любят только этого противного Рустамчика.

Девочка с нетерпением ждала, когда наступит зима. Сначала закружатся первые робкие снежинки, а потом начнется настоящий снегопад. Снега станет очень много, папа подхватит ее легко на руки и понесет во двор кататься на санках, совсем как раньше. Она будет мчать во весь опор, жмуря глаза от летящего в лицо снега, и громко смеяться. И папа будет смеяться вместе с ней. Они будут играть в снежки и лепить снежную бабу.

* * *

Патимат проснулась и сладко потянулась, она была в предвкушении. У них в семье сегодня большой праздник. Так сказала мама. Смотрины – это когда приходят все родствен-

ники посмотреть на малыша. Девочка расстраивалась, что родители теперь все свое время тратили на братишку. Мама отправляла Патю одну поиграть с куклами или давала карандаши, лист бумаги и просила порисовать. Но сегодня праздник, а это значит, что принесут много подарков, и все внимание будет только ей. Ведь раньше всегда так было.

С утра мама, как обычно, умыла и покормила Патю. Пышное розовое платье уже висело на вешалке. К нему прилагались беленькие ажурные колготочки и новые розовые туфельки на маленьком каблукке. Ура! Праздник!

К обеду стали собираться гости. Пришли двоюродные братья и сестры. Их у Патимат было много. Больше всех Патя любила Диану, она всегда с ней играла в разные игры. Вот и сегодня Диана поцеловала и крепко обняла нарядную Патю, а потом развернулась и пошла в комнату брата. Заулыбалась, смотря на Рустама:

– Ой, такой хорошенький! А малюсенький какой!

Патя почувствовала, как злые слезинки наполнили ее глаза. Им раньше всегда было весело вместе. До недавнего времени Патя была самой младшей и любимой. А теперь вот... Рустам появился. И подарки дарили вовсе не ей, а младшему брату.

Пока все гости сидели за столом, улыбались, говорили слова поздравления, Патя тихонечко пробралась в комнату, где в кроватке спал брат. Как было бы здорово, чтобы все было как раньше! Вот если Рустама не будет у них дома, то

все снова станут любить только ее. Вот бы он взял и исчез куда-нибудь.

Патя вспомнила, как однажды выбросила кашу за окно, и никто так и не узнал, что она ее не съела. Идея пришла в голову мгновенно. Она подошла к кровати. Рустам тихо посапывал. Осторожно вытащила брата, чтобы он не проснулся и не стал снова орать. «Ого, тяжелый какой!» – подумалось почему-то. Подошла к большому окну. Пришлось положить сверток на пол и подтащить табуретку. Отдернула занавеску. Сверток закричал, и Патя кинулась скорее открывать окно. Окно открылось легко...

* * *

Когда приехала полиция, мама не просто плакала, она завывала, как раненый зверь. Она хватала гостей за руки, кричала, чтобы ей вернули малыша. Она была уверена, что кто-то из гостей украл ее сына. Незнакомые мужчины в форме запретили покидать помещение всем присутствующим людям. Растерянные гости были угрюмы и подавлены. Бабушка Фатима то и дело хваталась за сердце и тяжело вздыхала:

– Азан, Икамат* читали, – бормотала она себе под нос. – Бог все милостив! Освяти его путь!

Праздник закончился внезапно. Никто больше не смеялся и не шутил. Тетя Марьям пыталась успокоить маму, поила ее водой с какими-то вонючими каплями, но это не помогало.

Про Патю все забыли. Она забилась под стол в детской и тихо плакала. Она-то думала, что мама обрадуется, что снова можно спокойно спать ночами. И что не нужно постоянно стирать пеленки и менять подгузники. Но мамочка очень расстроилась. Такой маму Патя не видела никогда в жизни. Папа молчал, но был очень бледен. Только крепко сжатые скулы говорили, что он тоже очень расстроен. А она так надеялась, что все снова будут ее замечать и любить. Если бы она только знала, что все так расстроятся, она бы никогда... никогда так не поступила. Но теперь Патя очень боялась признаться в содеянном. Ей казалось, что больше никогда ее жизнь не будет прежней, теперь все изменилось навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.